

Рена ЖУМАНОВА

«КОНЧИКОМ КРЫЛА ПИСАТЬ МНЕ ПЕСНЮ...»**(Акберен Елгезек: штрихи к портрету)**

Поэт не демиург, а медиум,
 посредник между богом,
 историей и человеком.

Джордж Элиот

«Странно: мне кажется, я чувствую Абая», – так начинается вдохновенное эссе Герольда Бельгера «Гёте и Абай». Рассуждая о прева-лировании чувствования над пониманием, Гер-ага сравнивает эту уникальную способность к проникновению в суть чьего-либо творения с любовью, с даром свыше. Тут не поспоришь: конечно, поэзию, как и любое искусство, надо вначале почувствовать. «Если ты поэт, ты создаешь красоту» – взволнованно

говорит экзальтированная сэлинджеровская Фрэнни. И музыка стиха Акберена Елгезека, обращенная именно к чувственному началу, лучшее доказательство всех этих, в общем-то, неоспоримых аксиом о поэзии.

Сейчас модны разговоры о том, какой должна быть литература, чтобы её читали не только мы – еще не вымершие динозавры «сорок плюс» – но и молодежь. Каким должен быть писатель, способный стать кумиром поколения айфонов с его клиповым и эсэмэсочным мышлением? О чём надо писать и как надо писать – вечные для писателя вопросы. Кстати, именно поэзия в эту эпоху выглядит более привлекательно – в силу её концентрированности и сжатости. И если ты, автор, никак не можешь ждать некоего гипотетического светлого будущего, пока твоим «стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед», а желаешь известности и признания здесь и сейчас, ты, вроде бы, должен считаться со вкусами и уровнем восприятия нынешней читающей публики. Как же обрести требуемый баланс между двумя крайностями в борьбе за свою целевую аудиторию? Интересными мыслями на этот счет поделился переводчик и блогер Максат Рамазан на дискуссионной площадке «PaperLab». Современный автор, считает Максат, должен быть подобен известному российскому писателю Дмитрию Глуховскому или эпатажному казахскому блогеру Майклу Шеримбеку. Броскость, необычный цепляющий слог и – непременно – внешняя харизма – вот те черты, которые могли бы сегодня перетянуть на себя внимание урбанизированной молодежи, погрязшей в параллельных мирах своих гаджетов. И такие авторы у нас, несомненно, появятся. Собственно, это ведь не ново. Яркими поп-звездами от литературы были, к примеру, советские шестидесятники. Или французские сюрреалисты. А если уж мы считаем, что чужеземные примеры нам не сгодятся, то далеко ходить и не надо: именно такими богемными тусовщиками были наши художники-универсалы сал-серілер – в пасторально-прекрасном антураже кочевого уклада казахской степи позапрошлого столетия.

Однако герой нашей статьи популярен и без всех этих внешних штучек. Напротив, его облик притягивает взгляд эдакой подчеркнутой академичностью. И хотя нынешние поэты не пишут манифестов – они четко артикулируют свои установки другими способами, не менее действенными и достигающими своей цели. «Поэт – аристократ духа и помощник, посланник Создателя» – в этом Акберен Елгезек убежден стопроцентно, проговаривая данный постулат в многочисленных телевизионных интервью. Образ Акберена завораживает равнодушною читателя своей парадоксальностью и противоречивостью. Внешний лоск, холеность, безукоризненный официальный костюм с галстуком и начищенными туфлями а la депутат Мажилиса – и завернутое в строгую оболочку нежное сердце поэта. Карьера госслужащего и общественного деятеля со всеми вытекающими последствиями – и мрачноватый отсвет неизбывной трагедийности загадочно-красивых строк...

Если вы наберете в поисковике имя Акберена Елгезека, первыми во вкладке «видео» будут ссылки на многократно растиражированные в роликах стихи, пользующиеся популярностью у молодых. Тут, несомненно, все рекорды бьет «Сені ешкімге бермеймін...» («Никому тебя не отдам...»). Понятное каждому чувственное, любовное, страстное признание. Которое, кстати, одним из первых легло на музыку, стремительно распространившись «среди населения» еще и в формате песни, исполняемой Кларой Толенбаевой. На втором месте – «Мама». Эти стихи понятны и доступны всем. Но это, так сказать, поверхностный пласт творчества. А ведь есть и «другой» Акберен Елгезек. Тот, в стихах которого уже ушедшие в мир иной Таласбек Асемкулов и Ауэзхан Кодар, мучительно подбиравшие ключ к поэзии младшего современника, прозрели и фантастический реализм, и влияние французского сюрреализма и экзистенциализма. Автору же этих строк прежде всего видится романтизм, с его раздвоенностью между идеалом и действительностью, с его недостижимостью мечты, с его тотальным одиночеством и неприкаянностью. Увы, так уж всё устроено в нашу эпоху уже не пост-, а мета-модерна. Мы по привычке нащупываем уже бывшее и звучавшее где-то, как будто именно эти «изм»-ы дадут нам в руки тот самый ключ для понимания, а главное, прочувствования нового литературного явления. Но начать, говоря о Поэте, вероятно, лучше «от чистого истока».

* * *

Невыносимо самоубийство,
но жить гораздо невыносимей!
А. Вознесенский

Если двигаться по хронологии, то к стихам Акберен Елгезек, по его собственным словам, пришел довольно поздно, в возрасте двадцати шести лет, спустя годы после завершения университета, который окончил как историк. Нетипично для казахских поэтов, которые, как правило, начинают в двенадцать-тринадцать, печатаются в детских изданиях, а к тридцати годам становятся маститыми литераторами. Он же совсем не думал о литературе как призвании, хотя в студенческие годы много общался с поэтами. С ранней юности Акберен мечтал о... карьере госслужащего. Именно так ему хотелось доказать что-то тем из своего окружения, кто говорил: из тебя ничего не выйдет. Но к книге он был близок с раннего детства. Мама – учительница русского языка и литературы. Отец, которого он не помнил, – журналист и исследователь. Акберен всегда любил читать, штудировал прозу – казахскую, русскую и зарубежную. Писать же начал вечерами, когда накатывала беспричинная грусть...

Потом пришло увлечение Есениным. А с ним и навязчивая мысль о самоубийстве. Может, это был тот самый романтический конфликт внешнего и внутреннего миров? Ведь во внешнем мире он продолжал быть чиновником. Хотя сам поэт говорит о госслужбе только в положительном ключе. Много, мол, дала ему в плане дисциплины, умения работать с документами, общения с людьми. Почему-то вспомнился Высоцкий:

*Поэты ходят пятками по лезвию ножа
И режут в кровь свои босые души.*

Сегодняшний Акберен, как бы отдалившись и отрешившись от себя прежнего, спокойно рассказывает о «есенинском» периоде своей жизни. «Я ходил по Алматы и искал подходящую гостиницу». Это ведь типичные романтические мотивы. Смерть как избавление от извечного диссонанса. Как тут не вспомнить друга Шуберта, малоизвестного поэта Иоганна Майрхофера. Будучи по долгу службы цензором в книжном издательстве, вынужденно душившим всякое свободомыслие, он оставался тонким и вольнолюбивым поэтом-романтиком. И эта двойственность в конце концов доконала его. Не выдержав глубокого разлада между государственной должностью и внутренними этическими и эстетическими парадигмами, он шагнул в пустоту из окна своего кабинета. Но Акберену был предначертан иной план. Амирхан-аға, поэт Әмірхан Балқыбек, которому молодой поэт рассказал о своих мыслях, спокойно выслушал его, а чуть позже дал прочесть книгу Акунина-Чхартишвили «Писатель и самоубийство». «Если хочешь умереть, умри как следует», – таким было напутствие старшего собрата по перу, который, вероятно, оказался хорошим психологом. Сегодня Акберен-мырза спокойно размышляет об особом рода смелости как необходимом элементе сведения счетов с жизнью, замечая при этом, что ему такой смелости дано не было.

Среди особенностей сюрреализма, как известно, присутствует смешение сна и яви. Именно сон, в котором явились поэту Есенин и Магжан, поставил точку в этом отрезке его творческой судьбы. Всё как рукой сняло. И увлечение образом Есенина, его поэтической стихией минуло как неизбежная юношеская болезнь. В числе последующих своих кумиров Акберен называет имена Лермонтова и Бодлера, но, думается, этими именами цепочка его поэтических ориентиров не ограничивается. Своими учителями в казахской поэзии он считает Абая, Жумекена, Тыныштыкбека, Есенгали, Улукбека...

«Казахский Гамлет нового поколения», как его определил в своей статье Ауэзхан Кодар, ворвался в современную поэзию не без эпатажа. Строки, ни на кого не похожие, странные образы и противоречивые словосочетания, непривычные и таинственные, желание уйти из-под диктата старшего поколения маститых литераторов с их классическими мерками и взглядами – всё это отмечают у молодого Акберена его товарищи по цеху. «У него в душе как бы простирается заснеженная нетронутая степь, – так метафорично высказывается о стихах Акберена поэт Ерлан Жүніс, – и своими строчками он словно прокладывает дорогу в этой нетронутый снежной глади». Кстати, именно с Ерланом они на пару выпустили книжку в необычном для Казахстана сдвоенном формате «Tweenbook» («Егіз кітап»).

Поэт Акберен Елгезек ищет новые возможности и пути для выражения своего поэтического «я». Он отнюдь не склонен ограничивать себя магистральными для казахской поэзии формами *жыр* и *қара өлең*. Не отворачиваясь от принципов регулярного письма, Акберен расширяет строфу, ломает ее структуру и привычную схему рифм. Да и в смысле языка он, подлинно казах-

ский, казахоязычный поэт, тоже не чужд экспериментов. Так, среди ранних опусов А. Елгезека, свободно «плавающих» в Интернете, можно обнаружить и странички с его оригинальными русскими стихотворениями. Но и погружаясь в стихию иной речи, поэт остается верен себе: меланхолия, разговоры с самим собой и с небом, взгляд, направленный больше не вовне, а внутрь собственной души – всё это остается при нем.

*Балкон. Стою, курю и плачу,
Мне кто-то шепчет: «Напиши!»:
«Как день я ничего не значу,
Я просто тень Большой души...».*

*И я малыш. Отец там где-то...
И, всё же, рядом. Он один.
Скажи мне, кто я? Нет ответа.
Скажи мне, кто ты, черный дым?*

*А ночь с огромными глазами,
Все смотрит, смотрит... Не дыши!
Такими звездными слезами
Рыдают только малыши...*

*А жизнь моя пред Ним, как детство,
И я малыш такой чудной.
И мне когда-нибудь придется
Вернуться в небо, в дом родной!*

Акберен не поддерживает имеющую место в современной казахской поэзии плакатность, делая замечание об этом вскользь, но так, что становится ясно: это – «не наш метод». Он говорит о метафизическом содержании своих стихов. «Я никогда не пишу разумом», – рассказывает поэт. «Приходит некая музыка, мелодия, это даже не чувство. И то, что пишется, на другой день воспринимается как написанное кем-то другим». Так что, та самая техника бессознательного неконтролируемого письма, о которой в своем манифесте писал когда-то отец французского сюрреализма Андре Бретон, как говорит-ся, налицо.

«Когда ты пишешь, ты царь мира». «Читать на публику свои стихи на творческих вечерах – это смешно, ведь поэзия – это интимный акт», – говорит Акберен в ходе одной из телевизионных бесед. И в этом соглашусь с поэтом: бесспорно, двумя руками «за».

– Не получается у меня, – так, со вздохом, откровенничает один большой современный поэт, отвечая на вопрос журналиста о его прозе. Самокритичен. Проза его читаема, читабельна и повсеместно признана. Но некий внутренний критерий качества говорит Мастеру, что всё же, увы и ах, стихи у него получаются куда лучше. И он имеет достаточно и мужества, и чувства юмора, чтобы говорить об этом... Для многих же поэтов проза так и остается строптивой кобылицей. Ведь это совсем другое дыхание, другой темпоритм, другая техника. Акберен Елгезек, обратившись к жанру повести, не жаждал стяжать лавры прозаика. Он просто хотел рассказать о своем детстве. Все, кто знаком с его творчеством, отмечают: в своих стихах он собственной жизни никак не касается. И, видимо, как и многие другие стихотворцы, осознает: не всё, увы, доступно и подвластно стихам. Повесть «Болмаған балалық шақ» («Несостоявшееся детство») – это, по его

собственным словам, «сто процентов правды». Автофикшен? Документальная проза? Воспоминания? История взросления? Не углубляясь в жанровую классификацию, товарищи по перу указывают на «ремейковость» произведения. Действительно, темой детства объединены многие известные казахские прозаические образцы. «Жусан иіс», «Менің атым Қожа», «Ай мен Айша» и др. – у повести Акберен-ақына, несомненно, достаточно предшественников в отечественной литературе. Но стиль «Несостоявшегося детства» совершенно иной. Помимо автофикциональности, в повести присутствуют элементы фэнтези и мистики. Автор признается: во время работы над книгой испытывал сильный стресс. Будучи написанной, книга долго отлёживалась. Ее читали через Интернет, передавали по рукам. Некоторые, узнав себя в героях произведения, обиделись на автора. И спустя годы, когда Акберен Елгезек задумался о помощи сиротам и создании фонда, вдруг пришло простое в своей логичности решение. Есть ведь написанная книга, которую можно выпустить, отдав вырученные деньги детям-сиротам. Так и произошло. Книга, ставшая бестселлером в казнете, посвящена детям. Она рассказывает о мире ребенка, рассказывает и детям, и взрослым. Полусиротское детство писателя, бесприютность и одиночество, тоска по умершему отцу и отдаление матери, первое столкновение с миром зла в лице грубого и недалеко отчима – тернии, прорываясь сквозь которые Ақош приходит к своему взрослому состоянию. Заложённая в ранние годы любовь к книге, мама – учительница, тяга к перу, унаследованная от отца, – все эти факторы, помноженные на природное дарование известного в ауле фантазера и рассказчика Ақоша, вполне логичным образом приводят к счастливому завершению пути становления поэта и человека. Так, не претендуя на какую-то особую оригинальность, Акберен Елгезек обретает путь к сердцам читателей своей книги предельной искренностью и теплотой повествования.

Когда у поэта Акберена провокационно спрашивают о вершине Парнаса, он скромно и сдержан в своем ответе: как и все, мол, мечтал бы взойти на вершину, но пока вижу себя лишь у подножья... Массивный письменный стол с внушительным портретом Абая на стене, компьютер, книжные шкафы натурального дерева – говоря ироническими стихами Ю. Полякова, «свидетельства налаженного быта», так выглядит домашний писательский кабинет Акберена-ақына в его добротном и уютном доме. Кабинет как живая иллюстрация атрибутики некоего эталонного образа – состоявшегося функционера от литературы. Плюс к тому – рабочие поездки зампреда правления СП, встречи с читателями, интервью и телепередачи – в качестве не только гостя, но и ведущего... И вдруг – эпатажный уход из руководства Союза писателей, объявленный самим поэтом в соцсетях накануне очередных перевыборов в старейшем общественном объединении казахстанских авторов... Что же дальше? Будет видно. Ведь это всё черты земного существования человека, его оболочка, кокон, щит. А в своих стихах Акберен Елгезек – по-прежнему хрупкий эльф, «кончиком крыла» изящно сплетающий тонкую вязь слов, будто транслированных откуда-то свыше – с вечного, прекрасного, непостижимого и бездонного Неба...

